

Клод поднял пригоршню опавших листьев и земли и бросил ее в мага. Он вдруг остановился и поднял руки, чтобы прикрыть глаза, а грязь остановилась в сантиметре от его тела и упала на землю. Клод заметил, как вокруг тела мужчины вспыхнул прозрачный пузырь.

Мужчина, наконец, понял, что он заблокировал, как дурак, и засмеялся, чтобы скрыть свой стыд.

“У тебя больше нет выбора! Достаньте свои вещи и нарисуйте диаграмму формирования. Я заставлю тебя пожалеть, что ты родился, если ты этого не сделаешь!”

Клод снова вскочил на ноги и встревоженно остановился примерно в трех метрах от своего противника. Он уставился широко раскрытыми глазами на мага, снова бросившегося на него, закрыл глаза и закричал изо всех сил.

— Бах!”

Его противник остановился на мгновение и недоверчиво уставился на него, его глаза были скорее озадачены, чем ошеломлены.

— Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!- Клод больше кричал, чем кричал, его разум теперь был в полной панике.

Маг только продолжал смотреть на него, наполовину развеселившись. Он почувствовал серию легких ударов по голове, как будто кто-то стучал в его череп, как будто это была дверь. Маг не мог долго оставаться равнодушным.

Первые три заклинания не имели большого эффекта, будучи скорее помехой, чем чем-либо еще, но четвертое заставило мужчину вздрогнуть.

“А кто меня бьет?”

Пятая пуля ударила его, и колени подогнулись, а глаза слегка заблестели. Его меч выпал из руки, когда он схватился за голову. Клод бросил рюкзак и прыгнул за мечом. Его паника улеглась, когда он почувствовал холодную сталь меча в своих руках. Он тоже действовал как раз вовремя.

Мгновение спустя действие заклинаний исчезло, и внимание мага вернулось к Клоду. Он сразу понял, что мальчишка, должно быть, сыграл с ним злую шутку, и его ярость закипела.

Клод изо всех сил вонзил меч ему в сердце, но тот, словно отталкиваемый магнитом, был отброшен в сторону и совершенно не попал в цель. Нападавший схватил его обеими руками и повалил на землю. Клод был намного меньше, чем его мускулистый противник, и его быстро прижали к земле.

Клоду захотелось рвануть его за волосы. Как он должен был бороться с этим ублюдком? Сначала магия не сработала, а теперь даже старые добрые ножи ничего не делают! Он даже не мог победить этого человека в борьбе! Он наносил удар за ударом по лицу мужчины, ребрам, всему, до чего мог дотянуться, но все они были отброшены назад, как будто он попал в воздушный шар, который просто отказывался лопаться. Его враг тоже не сидел сложа руки, когда его избивали. Он давал по крайней мере так же хорошо, как и получал, и в отличие от ударов Клода, его удары не отскакивали.

Очень скоро лицо Клода стало выглядеть как шелковица. К счастью, он быстро понял, что меч был скорее пассивом, чем активом, поэтому он отбросил его прежде, чем человек смог вырвать у него контроль над ним обратно. Эти двое продолжали колотить друг друга, но Клод проигрывал все хуже и хуже с каждым ударом. Казалось, что его единственная надежда состояла в том, чтобы продержаться, так или иначе, пока барьер нападающего не исчезнет.

Однако его противник тоже это знал. Он не был лучшим в рукопашной, но достаточно приличным, чтобы постоять за себя, и его недостатки были более чем компенсированы его превосходящей массой, весом и силой. Он мог одолеть все, что бы ни попытался мальчишка, и отмахнуться от всего, что тот бросал в него. Наконец он решил, что эти атаки не стоят того, чтобы защищаться от них всем сердцем, поэтому он перестал блокировать их левой рукой и рукой, а вместо этого схватил горло мальчика и сжал его. Сопляк начал задыхаться почти сразу же, и его глаза затуманились через пару десятков секунд. Он хорошо знал, что у мальчика все еще были эти странные головокружительные чары, но от них у него только кружилась голова, и теперь, когда он держал руку на горле сопляка, заклинаний больше не будет.

Лицо Клода покраснело, потом медленно побагровело. Он боролся за каждый вдох, но рука мужчины была слишком сильной, и каждый раз, когда ему удавалось сделать вдох, она сжимала его горло. Он не посмел даже попытаться отнять у него руку. Дать другой руке хотя бы мгновенное раскрытие было бы для него концом. Тем не менее, его конец был достаточно близок, если он не мог убрать руку от своего горла.

Его разум стал вялым, а зрение побелело, когда он начал терять рассудок. И чем больше он боролся, тем крепче сжималась его рука. Искривленный образ маленького кинжала с черным лезвием вспыхнул в его сознании, и он ухватился за последнюю надежду, которая у него была. Он даже не потрудился вспомнить, что никакие атаки не могут поразить его врага. Его ум был полностью сосредоточен на том, чтобы сделать что-нибудь, хоть что-нибудь, чтобы глотнуть воздуха.

Он изо всех сил потянулся за кинжалом, но нападавшему не хватало только этой щели, и вторая рука схватила его за горло. Клод почувствовал, как вены на его голове начали кричать, когда давление угрожало разорвать их, и он почувствовал, что хрящ в его горле начал трескаться. Если бы его хрящи сдались, это не имело бы значения, даже если бы ему каким-то образом удалось освободиться, его горло сдавило бы, и он никогда больше не сделал бы вдоха.

Его рот раскрылся, как у рыбы, которая жадно глотает воду, но ничто не принесло облегчения. Теперь его глаза были красными, кровавые слезы катились по щекам из лопнувших вен на глазах, а изо рта текла пена.

Он почувствовал холодную рукоять черного кинжала между пальцами и, не раздумывая, выдернул его из ножен так сильно, как только мог, и вонзил его в мага так далеко, как только мог, так быстро, как только мог, и так много раз, как только мог.

Хлюп! Хлюп! Хлюп! Хлюп!

После четвертого удара, когда что-то теплое накрыло его пальцы, он почувствовал, что мертвая хватка вокруг его шеи ослабла. Он нанес своему врагу еще дюжину ударов, прежде чем снова смог вдохнуть свежий воздух. Он сделал это так быстро, как только смог, не обращая внимания на едкое зловоние крови, которое висело в воздухе так же густо, как и его паника, и мягкое, кислое зловоние испуганной мочи между его собственными ногами.

Маг тяжело сполз с него, бормоча последние вздохи.

— Я ... невозможно... как ... как у тебя мог быть... магический кинжал?...”

Клод задохнулся, кровь смешалась с мочой в его штанах и побежала вниз, чтобы смочить заднюю часть его брюк, прежде чем просочиться в коричневые листья и почву под ними. Пустые пятна в его глазах медленно возвращались к фокусу, и он заметил, что мир покраснел. Он вытер лицо и увидел свою руку, покрытую кровью, своей собственной кровью. Еще одна слеза скатилась по его щеке, он смахнул ее тоже, и снова это была кровь. Его тело сопротивлялось ему на каждом шагу, но через минуту он уже сидел прямо. Боль внезапно вернулась в его сознание, и он застонал, когда каждая мышца и связка в его теле протестовали против того, через что он только что заставил их пройти очень сильно.

Он сделал еще несколько глубоких вдохов, пытаясь взять свое дыхание под контроль, затем вытянулся и стянул шаль с лица нападавшего. Под ним скрывалась еще одна маска, борода, которая росла почти прямо под глазами человека и полностью скрывала его нос и рот, прежде чем исчезнуть в рубашке, где она была заправлена до начала нападения. Однако на его лбу виднелся небольшой шрам. Единственная седая прядь в его бороде выдавала возраст по меньшей мере сорока лет, но, вероятно, не старше сорока пяти-в таком случае их должно было быть больше одного.

Ни одно воспоминание, ни один потерянный момент воспоминания или узнавания не пришли к Клоду. Этот человек был ему совершенно незнаком.

Будь проклят Хуриан за то, что рассказал ему об этом! У старого толстяка уже была расплата. Однако его разум немного остыл, и к нему вернулся рассудок, возможно, больше потому, что он слишком устал, чтобы злиться, чем потому, что он знал, как успокоить его. Хуриан мог и не знать, что раскрыл секреты Клода. Они все сидели там, наблюдая за ним, и только несколько невинных вопросов среди друзей могли бы открыть все, что нужно было раскопать.

Его взгляд скользнул по бородатому трупу и остановился на торчащей сбоку ручке. Он протянул руку и с некоторым трудом вытащил свой кинжал. Его последний толчок так глубоко вонзил его в спину мужчины, что он застрял между двумя его позвонками, прямо через

подушку между ними. Кровь все еще пузырилась из многих, многих щелевидных отверстий по всей спине человека.

Потребовалось несколько сильных рывков, чтобы освободить клинок и вернуть Кинжал Клоду. Он сидел, уставившись на кинжал, в течение нескольких минут, неспособный полностью оценить, как такой обычный Кинжал, такой маленький кинжал, мог спасти его. Его тело содрогнулось, а мочевого пузыря выпустил пару капель, когда он подумал о своей невероятной удаче и о том, как близок был к смерти.

Если бы Кинжал не был заклинанием, он был бы мертв, и мертв одним из самых унижительных способов, которым он мог умереть.

Он поднялся на колени, сделал еще пару болезненных вдохов, а затем поднялся на ноги со стоном, который пристыдил бы и корову во время родов. Он полагал, что должен быть благодарен за то, что не пострадал от меча своего врага, но сомневался, что его тело было в настроении быть благодарным, и не подозревал, что это произойдет в ближайшее время. Его лицо уже превратилось в шелковицу как по форме, так и по внешнему виду, а бедро лилово было там, где нападавший уперся коленом.

Он наполовину споткнулся, наполовину пополз назад к своему арбалету, но не смог перезарядить его — у него просто не было сил — поэтому он убрал его и осторожно и с трудом перекинул рюкзак через плечо. Он поплелся, спотыкаясь, к короткому мечу, сунул его обратно в ножны, которые освободил от своего теперь уже покойного противника, и привязал его к поясу. Он поднял арбалет человека и уставился на его мифриловую стрелу, застрявшую в дереве в добрых десяти метрах над ним, затем вздохнул и забыл об этом. У него не было достаточно энергии даже для того, чтобы думать об этом.

Клод потащился обратно к трупам нападавшего и опустил его на пол. Он нашел маленький мешочек с тремя фалами, несколькими дюжинами Фенни и четырьмя Пенни.

— Скрыга!- он наполовину сплюнул, наполовину закашлялся.

Черт возьми! Неужели человек, который чуть не убил его, не был хоть чуточку богаче? У него даже не было никаких дорогих драгоценностей, не говоря уже о каких-то фолиантах. Он надеялся найти, по крайней мере, свиток энергетического барьера этого человека, но он явно произнес заклинание, прежде чем поймать Клода, и спрятал его где-то, куда Клод не собирался его искать.

Единственное, что он нашел, был простой бронзовый ключ. Это было похоже на одолженный ключ от комнаты местной таверны, так что ничего особенного. Единственная таверна, которую Клод знал, использовавшая этот дизайн ключа, была Mermaid.

Он подумал, не пойти ли ему взглянуть на комнату этого человека, но тут же отбросил эту мысль. Он истекал кровью, как своей, так и нападавшего на него человека. Он не мог позволить себе привлекать внимание нежелательных третьих лиц. Не говоря уже о подозрении,

которое вызовет его внезапное появление с ключом в руке.

Он отогнал эту мысль на задворки сознания. Независимо от того, что он сделает позже, прямо сейчас его первой заботой было иметь дело с телом — и у него не было времени. Пегг всего лишь даст ему немного свободы действий, прежде чем он заподозрит неладное. И да поможет Господь Клоду, если Пегг найдет его стоящим над трупом посреди рощи, весь в крови, ни больше ни меньше.

<http://tl.rulate.ru/book/18306/1263815>